

МАХМУТ ГАРЕЕВ

генерал армии,

доктор военных и доктор исторических наук

Г. К. ЖУКОВ В КУРСКОЙ БИТВЕ

(К 70-летию великого сражения)

Курская битва по праву считается одной из величайших битв Второй мировой войны. От ее исхода зависел окончательный перелом в ходе войны. Битва происходила на огромном пространстве, охватив территорию Орловской, Курской, Белгородской, Сумской, Харьковской и Полтавской областей. В ней участвовало более 4 млн человек, около 70 тыс. орудий и минометов, 13 тыс. танков и самоходных орудий, до 12 тыс. боевых самолетов¹.

Значимость политических и стратегических целей, концентрация огромного количества войск и боевой техники, высокая плотность построения войск с обеих сторон предопределили не только большой размах сражений, но и их исключительную напряженность и ожесточенность. Жуков стоял у истоков этих сражений и был их активнейшим участником.

Отправляя Жукова на юго-западное направление, Верховный поставил перед ним задачу: одновременно с мерами по ликвидации Харьковского прорыва изучить на месте обстановку, подумать над возможным замыслом противника на летний период и какими должны быть способы действий наших вооруженных сил. Было ясно, что гитлеровское командование может предпринять новое большое наступление. Но важно было прежде всего установить: где и когда?

Вот как описывает Георгий Константинович свои нелегкие раздумья в тот период.

“Я размышлял, глядя на карту: “На севере противник обложил Ленинград, но взять его не сможет, частично снята блокада города, а неприятель завяз в Синявинских и Волховских болотах и лесах. Вторично не посмеет идти прямо на Москву, о чем так беспокоится Сталин... На южном фланге – в Кавказских горах и в Сталинграде – враг потерпел жестокое поражение... Где же все-таки предпримет генеральное наступление? Логическая цепь рассуждений привела к выводу: враг решится на мощный удар только в Центральной России, по линии Орел-Курск-Белгород... Тут простор, раздолье для танков и механизированных клиньев, охватов... Только тут, и нигде больше”, – убеждался я, чувствуя, что интуиция меня не подводит. Кстати, и всякого рода разведка подтверждала правильность этого предвидения. Да и пусть для вас не покажется странным – по своему опыту охотника я знал: дикий раненый зверь по своему кровавому следу вторично не пойдет...”

¹ Курская битва. М., 1970. С. 68.

Теперь все это ушло в прошлое, стало историей, но тогда прийти к этой идее было чрезвычайно трудно. Шут знает, то ли везло мне в войну, то ли рожден был для деятельности военным, во всяком случае, и на этот раз повезло, вытянул груз непомерной тяжести. Ведь передо мной Верховный поставил тогда сложнейшую задачу: не только поправить дела на Воронежском фронте, оказавшемся под тяжким бременем удара, но и дать наметки стратегического плана действий противоборствующих сторон на весну и лето 1943 года. А это, простите, не дом срубить и даже не камни vorочать, к чему в крестьянстве я привык, а предусмотреть буквально все: и расположение наших войск, их моральный дух, и наличие резервов, пропускную способность железных дорог, и обширнейшие районы, на которых могли развернуться великие сражения, а прежде всего, предугадать, что замышляет германский генералитет и ставка во главе с Гитлером. Вот только подумайте: а вдруг германское командование, концентрируя силы в одном районе, на самом деле изберет полем битвы совсем другой театр войны?

Стало быть, все наметки плана полетят прахом. Просчет в прогнозах может стоить потока крови, потери новых территорий нашей страны¹.

Жуков размышлял в одиночестве, вечерами и ночами, а дни были до отказа забиты поездками в войска, совещаниями в штабах. Помимо штаба фронта, он совещался с генералами, командовавшими 40-й, 13-й, 70-й, 65-й, 43-й армиями. На них он, не раскрывая всего, проверял правильность своих предположений. С Ватутиным и Рокоссовским вел обстоятельные беседы, переходившие иногда в горячие споры².

После обстоятельного изучения обстановки и долгих раздумий он пришел к определенным выводам, которые были положены в последующем в основу замысла действий советского командования на лето 1943 года.

Верное раскрытие замысла предстоящих действий германских войск на лето 1943 года, выработка наиболее целесообразного способа противодействия ему и в целом успешное проведение Курской битвы оказались возможными прежде всего благодаря прозорливости, стратегическому чутью и таланту Г. К. Жукова. Оригинальность, творческое построение и гибкое проведение оборонительных и наступательных операций в общей системе Курской битвы — одна из самых блестящих страниц в полководческой деятельности Жукова. Для того чтобы по достоинству оценить величие свершенных дел, представляется необходимым еще раз напомнить складывающуюся в то время обстановку, ожесточенность целей сторон и грандиозность масштабов вооруженной борьбы и другие условия, в которых Жукову пришлось решать стратегические задачи.

Положение сторон весной 1943 года, перспективы развития событий сложились в результате операций и сражений на советско-германском фронте зимой 1942–1943 годов.

После Сталинграда фашистская армия была основательно надломлена. В ходе военных действий были разгромлены свыше 100 немецко-фашистских дивизий, составлявших до 40% соединений на советско-германском фронте. По данным Генерального штаба сухопутных сил Германии только безвозвратные потери фашистских войск составили 1200 тыс. солдат и офицеров³.

Были значительно ослаблены танковые войска Германии, которые служили главной ударной силой сухопутных войск. Генерал Г. Гудериан, бывший в то время генерал-инспектором бронетанковых войск, в марте 1943 года отмечал: «К сожалению, в настоящее время у нас нет уже ни одной полностью боеспособной танковой дивизии, однако успех боевых действий как этого года, так и последующих лет зависит от того, удастся ли нам снова создать такие соединения. Если нам удастся разрешить эту задачу, то мы во взаимодействии с военно-воздушными силами и подводным морским флотом одержим победу. Если не удастся, то наземная война станет затяжной и дорогостоящей»⁴.

Особенно большие потери понесли союзники Германии — румынские, итальянские и венгерские войска. Как отмечал генерал Мюллер-Гиллебранд: «Их

¹ Цит. Яковлев Н. Н. Маршал Жуков. М., Известия. 1995. С. 155.

² Там же.

³ Курская битва. М., 1970. С. 68.

⁴ Guderian H. Erinnerungen Eines Soldaten. Heiberg. 1951. S. 270.

боеспособность и боевой дух быстро растаяли”¹. Образовался серьезный кризис внутри фашистского блока, осложнилась обстановка в самой Германии.

В ходе решающих сражений зимой 1942–43 гг. к советско-германскому фронту были прикованы главные силы фашистской армии. Это позволило англо-американскому командованию успешно провести наступательные операции в Северной Африке. Создавались благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе. Однако на Вашингтонской конференции глав правительств и начальников штабов Великобритании и США в июле 1943 года было принято решение вновь отложить на один год открытие второго фронта.

Такая позиция союзников дала возможность гитлеровскому руководству мобилизовать все свои промышленные и людские ресурсы для продолжения войны, имея по-прежнему главные силы на восточном фронте против СССР.

В январе 1943 года Гитлер издал указ “О всеобщем использовании мужчин и женщин для обороны империи”, согласно которому подлежали мобилизации все мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и женщины от 17 до 45 лет. Все мужчины от 17 до 50 лет подлежали направлению на фронт. Для работы в промышленности и сельском хозяйстве широко использовалось население оккупированных территорий и военнопленные. По сравнению с 1942 годом производство танков в Германии возросло почти 2 раза, самолетов – в 1,7 раза, артиллерийских орудий – в 2,2 раза². Были созданы и вступили в строй новые танки “Тигр” и “Пантера”, самоходные орудия “Фердинанд”, новые истребители “Фокке-Вульф 190А” и штурмовик “Хейнкель-129”. Существенно были улучшены боевые свойства прежних танков Т-1П, Т-ГУ, артиллерии. Появились более мощные противотанковые пушки 75 и 88 мм калибра. Все это дало возможность гитлеровскому руководству к весне 1943 г. восполнить потери войск и сформировать новые пехотные и танковые соединения. Летом гитлеровская армия имела на 43 дивизии больше, чем к началу войны против СССР. Правда, в отличие от 1941–42 годов многие из них уже формировались по сокращенному штату. Весной было отказано в поставках немецких самолетов, танков итальянской армии и другим союзникам. Все новые формирования и новая техника направлялись на советско-германский фронт.

Гитлеровское руководство усиленно готовилось к тому, чтобы взять реванш за поражения.

Несмотря на ряд достигнутых военно-политических и стратегических успехов, обстановка для Советского Союза весной 1943 года оставалась напряженной и сложной. Враг был надломлен, но еще полон решимости продолжать войну.

Приходилось учитывать и опасность попыток гитлеровского руководства заключить сепаратный мир с нашими западными союзниками.

В ходе ожесточенных сражений зимой советские войска понесли большие потери в личном составе и технике. Освобожденные районы находились в опустошенном состоянии. От советского государства и всего народа требовались новое напряжение физических и духовных сил, мобилизация всех экономических и военных возможностей для наращивания ударов по врагу до полного его разгрома. Положение осложнялось тем, что Германия продолжала опираться на промышленность и ресурсы всей Западной Европы. В 1943 году она еще производила в 4 раза больше чугуна, стали и проката, угля – почти в 6 раз, электроэнергии – в 1,5 раза больше, чем Советский Союз. Поэтому только за счет более рационального использования имеющихся ресурсов и самоотверженного труда советских людей можно было превзойти врага в создании всего, что требовалось для достижения победы. И эта задача была решена. В 1943 г. наша промышленность произвела тяжелых и средних танков в 1,4 раза, боевых самолетов в 1,3 раза, орудий 76 мм калибра и выше – на 63%, минометов – на 213% больше, чем промышленность фашистской Германии. В 1943 г. авиационные заводы дали около 35 тыс. самолетов, а танкостроители – 24 тыс. танков и самоходно-артиллерийских орудий³. Наращивалось производство основной боевой машины (танков Т-34), считающейся шедевром развития танковой техники. Одновременно начался массовый выпуск самоходно-артиллерийских установок (САУ-152, САУ-76, САУ-85,

¹ Muller-Hilderbrand. Das Heer 1933–1945. Frankfurt am Main 1969. Bd. III. S. 98.

² Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М., 1956. С. 73, 246.

³ Там же. С. 73, 246.

ИСУ-152, ИСУ-122). Это позволило сформировать пять танковых армий новой организации, состоящих только из танковых и механизированных корпусов, явившихся мощным средством нанесения контрударов в обороне и развития успеха в наступлении.

Появилась новая противотанковая пушка образца 1943 года, успешно поражавшая немецкие танки “Тигр” и “Пантера”. Усовершенствованы и другие артиллерийские системы. Были сформированы артиллерийские корпуса прорыва, пушечные артиллерийские дивизии, истребительно-противотанковые бригады РВГК. Вся артиллерия была переведена на механическую тягу, что значительно повысило ее маневренность. Общеармейские артиллерийские бригады получили свою штатную артиллерию. Создание артиллерии РВГК и централизованное управление ею давало возможность оперативно перебрасывать ее на решающие участки фронта, где выполнялись главные задачи. В то время как в немецко-фашистской армии большая часть артиллерии была рассредоточена по дивизиям. В результате в нашей армии до 50–60% артиллерии постоянно участвовало в активных боевых действиях, а в фашистской армии не более 30–40%.

На вооружение авиации начали поступать новые, более современные истребители Ла-4, Як-3, усовершенствованные бомбардировщики Пе-2, ИЛ-4, штурмовики ИЛ-2. В предшествующих боевых действиях на Кубани ВВС Красной Армии приобрели большой опыт в борьбе за господство в воздухе.

Ставке Верховного Главнокомандования удалось создать крупные стратегические резервы. К лету 1943 года в составе действующей Красной Армии было 6442 тыс. солдат, сержантов и офицеров, 98790 орудий и минометов, 9580 танков и самоходно-артиллерийских установок, 8290 боевых самолетов¹.

Завершался уже второй год войны, и Красная Армия, особенно ее командные кадры, познавшие как тяжелые поражения, так и крупные победы, приобрели большой боевой опыт ведения оборонительных и наступательных операций. За все время войны в Курской битве Красная Армия с точки зрения чисто военного противостояния и возможности проявления военного искусства впервые выступала примерно в равных условиях по отношению к фашистской армии. Например, в 1941 году из-за крупных политических просчетов фронта Красной Армии были поставлены в такие условия, что они не могли реализовать свои боевые возможности. И после огромных потерь, понесенных нашими войсками в первые же дни войны, особенно в авиации, дальнейшие сражения шли при подавляющем превосходстве противника.

Примерно так же сложилась обстановка и летом 1942 года.

В 1943 году вследствие своевременного принятых обоснованных политических и стратегических решений Красная Армия была уже в ином, более благоприятном положении.

С учетом всех этих факторов военно-политической и стратегической обстановки Жуков вместе с Генштабом анализировал предстоящие действия.

Какими же были планы германского командования? Следует прежде всего подчеркнуть, что Гитлер в своих планах на 1943 год исходил из ложной посылки, что якобы военный потенциал СССР на исходе и что “Советский Союз, понесший чудовищные потери, должен потерпеть поражение”². В данном случае он в какой-то мере повторял ошибку Сталина накануне войны, когда во главу угла ставились политические мотивы, взятые в “голом” виде, в отрыве от стратегических соображений. Он исходил не столько из реальной оценки сложившейся военно-политической и стратегической обстановки, сколько из ослепленного нежелания признать назревающий коренной перелом в ходе войны не в пользу Германии и из стремления любой ценой одержать крупную победу, с тем чтобы взять реванш за поражения зимой 1942–43 годов, укрепить пошатнувшийся авторитет немецкой армии среди союзников, вернуть стратегическую инициативу, изменить в свою пользу стратегическое положение на советско-германском фронте. Именно исходя из этих соображений, а не на основе оценки объективно сложившегося соотношения сил и определялось решение гитлеровского командования на проведение крупной наступательной операции летом 1943 года.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. С. 237.

² Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1965. № 8. S. 462, 469.

При проработке планов на 1943 г. изучались и другие варианты действий. Командующий группой армий «Юг» генерал Манштейн еще ранней весной 1943 года сразу после успешного контрнаступления немецко-фашистских войск на Харьков предлагал немедленно перейти в наступление против советских войск, находящихся на Курском выступе, с тем, чтобы разгромить их еще до того, как они организуют прочную оборону. Позже командование «Юг», исходя из того, что летнее советское наступление советских войск скорее всего развернется против Донбасской группировки немецких войск, стало полагать более целесообразным с боями отходить до рубежа Мелитополь, Днепропетровск. Одновременно намечалось подготовить крупные силы в тылу северного фланга группы армий с целью нанесения контрударов и разгрома советских войск на южном направлении.

Оба эти предложения командования «Юг» не были приняты, и гитлеровское руководство окончательно остановилось на варианте действий в районе Курского выступа.

Такое решение во многом предопределялось начертанием линии фронта в районе Курска. Она глубоко вклинивалась в немецкий фронт обороны на стыке групп армий «Центр» и «Юг», удлиняла протяженность расположения войск на 250 км, требуя для этого дополнительные силы, и перерезала важнейшие коммуникации в тылу немецко-фашистских войск. Район Курского выступа представлял собой также выгодный плацдарм для наступления советских войск и нанесения ударов в тыл Орловской и Донбасской группировок противника.

Вместе с тем, охватывающее положение гитлеровских армий по отношению к Курской группировке наших войск создавало серьезную угрозу для нее. Эту выгодную сторону оперативного положения своих войск и решило использовать германское командование при подготовке наступательных операций.

Замысел операции «Цитадель» состоял в том, чтобы одновременным наступлением и ударами немецко-фашистских войск с севера и с юга по сходящимся направлениям окружить и уничтожить значительные силы Центрального и Воронежского фронтов советских войск. В последующем предусматривалось разгромить подходящие стратегические резервы, пересечь верхнее течение Дона, для того чтобы либо снова достичь линии Волги, либо с юга угрожать Москве. С целью создания достаточно сильных ударных группировок на направлениях главного удара перебрасывались силы с других участков фронта. В марте осуществлен отвод войск из Ржевско-Вяземского выступа, что дало возможность высвободить 15 пехотных, 5 танковых и моторизованных дивизий. Ряд соединений был переброшен с южного направления.

Всего для проведения операции в районе Курска было привлечено три армии и одна оперативная группа (из двенадцати армий и пяти оперативных групп, имевшихся на советско-германском фронте), семь армейских и пять танковых корпусов, в составе которых было 50 дивизий (пехотных 34, танковых и моторизованных 16). Под Курском было собрано 70% всех танковых соединений. Эти объединения и соединения насчитывали 900 тыс. чел., 10 тыс. орудий и минометов, 2700 танков. Войска поддерживались 4-м и 6-м воздушными флотами, имевшими в своем составе 2 тыс. боевых самолетов (63%)¹.

Предназначенные для наступления силы использовались с максимальным их массированием на направлениях наносимых ударов. Как отмечал немецкий историк В. Адам: «Семнадцать немецких танковых дивизий, усиленных 60-тонными танками «Тигр» и 70-тонными самоходно-артиллерийскими установками «Фердинанд», повели наступление на участке фронта в 70 километров. Значит, одна танковая дивизия приходилась на четыре километра фронта! Еще нигде вермахт не сосредоточивал на ограниченном пространстве столько наступательной мощи»².

Особое внимание уделялось достижению ошеломляющей силы первого удара, чтобы быстро сломить сопротивление обороняющихся советских войск и развить успех в глубину. С учетом этого и танковые дивизии наступали в первом эшелоне. В наши дни мы судим об этих планах по подлинным немецким документам. Но тогда они не были известны. И все же Жуков в сотрудничестве с Генштабом правильно оценил замысел противника.

¹ Военно-исторический журнал, 1968. № 6. С. 58.

² Адам Вильгельм. Трудное решение. М., 1967. С. 398.

В целом, Курская битва основательно изучена и описана, в том числе в немецких источниках. Но некоторые вопросы до сих пор вызывают споры и неоднозначно оцениваются. В частности, относительно планов германского командования возникают следующие вопросы. Это, прежде всего, оценка размаха и стратегической значимости наступления немецко-фашистских войск летом 1943 года. В западной историографии было немало заявлений, сводящихся к тому, что это наступление было сравнительно ограниченным по своему размаху и стратегическим целям. Однако из приведенных выше данных видно, что для проведения операций на Курском направлении германское командование привлекало не меньше сил, чем в наступательных операциях летом 1942 года. Кроме того, в случае успеха под Курском предусматривалось развернуть крупную наступательную операцию на юге в общем направлении на Купянск (операции “Пантера” и “Ястреб”) и на других направлениях севернее Курского выступа, в том числе новое наступление на Ленинград. В результате проведения этих операций планировалось разгромить около 100 советских дивизий из 382 имевшихся в действующей армии, то есть намечался, по существу, разгром всего южного стратегического крыла советского фронта.

А о военно-политической значимости операции лучше судить по официальным документам. В оперативном приказе № 6 от 15.04.43 года Гитлер указывал: “Я решил... осуществить первое в этом году наступление “Цитадель”. Это наступление имеет решающее значение. Оно должно быть осуществлено быстро и решительно. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето. Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира”¹.

Да и объективно исход сражений под Курском имел решающее значение для всего последующего хода Второй мировой войны.

Вопреки утверждениям некоторых немецких мемуаристов и наших публицистов о якобы исключительно творческом характере германского военного искусства, в действительности, на четвертом году Второй мировой войны на примере Курской битвы, мы видим не расцвет, а его деградацию и явные признаки шаблона и схематизма. Взять хотя бы замысел операции и форму оперативного маневра. С точки зрения отвлеченной теории военного искусства всегда соблазнительно нанести удары по флангам вклинившегося противника с целью его окружения и уничтожения, особенно когда это делается неожиданно для противника и удары наносятся по его ослабленным флангам. Но в конкретных условиях о внезапности нанесения главных ударов в районе Курского выступа не могло быть и речи, ибо советское командование ожидало их и заблаговременно сосредоточило в этом районе крупные силы. Причем именно на направлениях предстоящих ударов немецко-фашистских войск были созданы наиболее сильные группировки советских войск и организована наиболее сильная и глубоко эшелонированная оборона. Поэтому удары немецко-фашистских войск формально были нацелены на фланги противника, а по существу, наносились в “лоб” хорошо организованного фронта обороны. Оперативный анализ альтернативных действий и проведенное в 80-е годы моделирование Курской оборонительной операции показывает, что, если исходить не из отвлеченных принципов военного искусства, а из конкретных условий обстановки, то для германского командования было значительно выгодней нанести главный удар по наиболее слабому месту в советской обороне, а именно – по острию Курского выступа с тем, чтобы рассечь оборону и выйти в тыл главным группировкам Центрального и Воронежского фронтов, развернувшимся соответственно фронтом на север и юг навстречу ожидавшимся ударам со стороны противника. Германскому командованию не удалось также собрать все запланированные силы и средства для проведения Курской операции (не были перегруппированы дивизии из Кубанского плацдарма, изпод Новороссийска, не все соединения переброшены из района Демянска, и т. д.). Но с учетом этих обстоятельств в план проведения операции по существу не были внесены какие-либо изменения, за исключением неоднократного переноса сроков начала операции.

¹ Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957. С. 82.

Действия германской армии летом 1943 года строились примерно по такому же принципу, что и в начале войны, хотя условия для проведения операции были уже иные. Несмотря на глубоко эшелонированное расположение советских войск и организованную оборону, основные силы выделялись в первый эшелон, танковые соединения предназначались не для развития успеха, а для прорыва обороны, создавались крайне скудные резервы. Стремление подождать обстановку под свои планы давало о себе знать во всех звеньях. Так, в первый же день германского наступления высланный на разведку немецкий летчик с удивлением докладывал: «Бегство русских по дороге — Белгород—Обоянь не наблюдаю»¹. Видите ли, раз бегство наших войск ими запланировано, оно обязательно должно состояться! К началу Курской операции в резерве главного командования германской армии на востоке имелось всего несколько дивизий. Вообще вся операция строилась в отрыве от того, что делалось на противоположной стороне при явной недооценке возможностей советских войск. После войны это признавал и Кейтель. «... Мы ни в коем случае не ожидали, что Красная Армия не только готова к отражению нашего удара, но и сама обладает достаточными резервами, чтобы перейти в мощное контрнаступление»². Все это с самого начала обрекало грандиозное наступление немецко-фашистских войск на неудачу.

Что касается действий советского командования, то события 1941—1942 годов, тяжелые поражения и одержанные победы не прошли для него даром. Оно смогло извлечь уроки сполна и реализовать их в обоснованных решениях и конкретных действиях, исходя из сложившейся обстановки на советско-германском фронте весной 1943 года.

Внутри страны на полную мощь заработало переведенное на военное положение народное хозяйство, в том числе эвакуированные промышленные предприятия.

Укреплялось внешнеполитическое положение СССР, расширялись и углублялись его политические, экономические и военные связи со странами антигитлеровской коалиции. Советское руководство настойчиво добивалось от союзников открытия второго фронта. В связи с очередным откладыванием этой важнейшей стратегической акции в послании Сталина говорилось: «Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага... дело здесь не просто в разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»³.

Отсутствие второго фронта требовало от советского руководства мобилизации новых сил и средств для наращивания ударов по врагу с целью окончательного его разгрома, опираясь в основном на свои собственные силы, что не позволяло уменьшить тяготы войны на фронте и в тылу, ограничивало возможности по восстановлению освобожденных районов.

Наученный горьким опытом, Сталин стал больше прислушиваться к предложениям представителей Ставки ВГК, Генштаба и командующих войсками фронтов.

Жуков всегда уделял разведке первостепенное внимание. В отличие от 1941—42 годов, стратегическая и войсковая разведка сработала значительно лучше, она своевременно вскрыла замысел германского командования и сосредоточение главных группировок войск противника на Курском направлении. Несмотря на неоднократные переносы сроков начала операции, весьма точно были установлены и сроки перехода немецко-фашистских войск в наступление.

На основе хорошего знания и предвидения возможного развития событий Жуковым в сотрудничестве с Генштабом были разработаны оптимальные

¹ 1418 дней войны. М., 1990. С. 310.

² Военно-исторический журнал. 1961, № 9. С. 85.

³ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 138; Т. 2. С. 75.

стратегические и оперативные решения по выбору направления сосредоточения основных усилий, созданию и сосредоточению необходимых группировок войск, а главное – наиболее целесообразных способов оперативно-стратегических действий.

Первоначально Ставка и Генштаб планировали предпринять упреждающее противника наступление. В принципе не возражал против этого и Жуков. Командующие фронтами Рокоссовский и Ватутин неоднократно и однозначно выступали за наступательный вариант действий. Правда, К. Рокоссовский выступал за такой способ действий до той поры, пока противником не были созданы мощные наступательные группировки.

Однако у Георгия Константиновича, по мере глубокого изучения положения сторон и группировки противника в районе Курского выступа, где он находился почти непрерывно со второй половины марта, возникли серьезные сомнения относительно целесообразности проведения в жизнь принятого Ставкой первоначального замысла наших действий. Эти сомнения еще больше окрепли после того, как от разведки поступили достоверные данные о планах немецко-фашистского командования захватить стратегическую инициативу путем проведения крупного летнего наступления на Курском направлении. В пользу такого соображения говорило и то, что наступать против крупных ударных группировок противника совершенно безнадежно. Если же перегруппировать свои основные силы для наступления там, где противник слабее, то ослаблялись бы наши войска, действующие на направлении главного удара противника, что заведомо обрекало их на поражение. Кроме того, в отличие от 1941–1942 годов наши войска на Курском направлении подготовили надежную оборону и ее надо было использовать. Вот эти соображения Жуков изложил Василевскому, который тоже постепенно приходил к такому же выводу.

Взвесив все обстоятельства и посоветовавшись с командующими фронтами, представитель Ставки 8 апреля 1943 года направил свои предложения Верховному Главнокомандующему. В частности, он докладывал: “Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей Орловско-Кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и Белгородско-Харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока... Следует ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступлении будет делать на танковые дивизии и авиацию, так как его пехота значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

...Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку”¹.

Чтобы наша оборона была способна противостоять массированным атакам танков, Г. К. Жуков предложил немедленно собрать с пассивных участков фронта и перебросить на угрожаемые направления возможно большее количество противотанковой артиллерии, все полки самоходной артиллерии, сосредоточить как можно больше самолетов и “...массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки врага, чем и сорвать план наступления противника”².

12 апреля на заседании Ставки предложения Жукова были приняты. Но Сталин продолжал еще колебаться. И только в конце мая он окончательно утвердил оборонительный способ действий. Но поскольку противник и в июне не переходил в наступление, командующий Воронежским фронтом Ватутин вновь обратился в Ставку с предложениями о переходе в упреждающее наступление.

Жукову и Василевскому с большим трудом удалось добиться осуществления оборонительного варианта действий.

В окончательном виде замысел советского командования сводился к следующему: переходом к преднамеренной стратегической обороне силами Центрального Воронежского, частично Степного фронтов, отразить летнее на-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1995. Т. 3. С. 13–15.

² Цит. по: Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Хабаровск, 1992. С. 146–147.

ступление немецко-фашистских войск, обескровить их и последующим переходом в контрнаступление нанести поражение главным группировкам противника. Таким образом планировалась и проводилась ярко выраженная стратегическая оборонительная операция силами нескольких фронтов под общим руководством Ставки ВГК и ее представителей при фронтах (Г. К. Жуков – Центральном и А. М. Василевский – Воронежском фронтах). Для проведения операции были выделены крупные силы. В составе Центрального (командующий К. К. Рокоссовский) и Воронежского (командующий Н. Ф. Ватутин) фронтов к началу июля 1943 г. насчитывалось свыше 1,3 млн чел., до 20 тыс. орудий и минометов, до 3600 танков и САУ, 3130 самолетов (с учетом дальней авиации). Было достигнуто превосходство над противником в личном составе 1,4, в танках 1,3, артиллерии 1,9, самолетах около 1,6 раза¹. На направлениях главных ударов противника оборонялись наиболее закаленные войска – на Северном выступе 13-я армия генерала Н. П. Пухова и на Южном 6-я гвардейская армия генерала И. М. Чистякова.

В этом решении на ведение операций и в организации обороны под Курском было много принципиально новых положений, обогативших советское военное искусство.

Во-первых, благодаря прежде всего гибкости и незаурядности мышления Жукова, его твердости в проведении в жизнь своих стратегических идей, впервые за время войны в 1943 г. советская стратегическая мысль преодолела идеологические оковы, предубежденность относительно стратегической обороны, рассматривавшей ее как нечто недостойное нашей армии, чуть ли не унижительное и не оскорбительное для нее. Несмотря на уроки 1941 года, в 1942 году Сталин, как уже отмечалось, с ходу отверг предложение о переходе к обороне, и нужны были еще крупные поражения лета 1942 года, чтобы прийти к решениям, принятым следующей весной. Характерно, как уже было сказано, что и в 1943 году Ставкой ВГК, Генштабом первоначально намечалось, что Красная Армия первой перейдет в наступление, нанося главный удар на юго-западном направлении. Только после доклада Жукова 8 апреля начал серьезно рассматриваться оборонительный вариант действий.

Справедливости ради скажем, что предложение Жукова было принято Сталиным только в результате поддержки его Генштабом, в частности, Василевским и Антоновым.

В свете всего этого нам, фронтовым людям, много видавшим и пережившим, сегодня еще трудно понять, почему даже людям такого масштаба, как Жуков, порой требуется столько умственных и волевых терзаний, боевых испытаний и горького опыта, так много напрасно затраченных усилий и жертв, чтобы разорвать цепи военно-идеологических стереотипов и встать на почву здравого смысла. Рецидивы такого подхода в наше время дают о себе знать при решении различных вопросов, и это очень сложная психологическая проблема, которая еще не исследована.

Мучительный процесс выработки целесообразных решений летом 1943 года ещё раз свидетельствует о том, что решения, планы и практические действия командиров и войск (сил) должны соответствовать не военно-идеологическим и теоретическим установкам, не требованиям уставов (которые дают лишь общие ориентиры) – они должны исходить и учитывать максимально полно сложившиеся оперативно-стратегические условия.

Во-вторых, новое в военном искусстве в битве под Курском и новое видение Жуковым сути стратегической обороны состояло в том, что советские войска переходили к обороне не вынужденно, не из-за недостатка сил и средств как это положено было делать по существовавшим теоретическим взглядам, а именно преднамеренно, располагая превосходящими противника силами.

В связи с этим в нашей литературе (в частности, маршалом М. В. Захаровым) высказывалась мысль, что "... оборону под Курском нельзя рассматривать как классический, типичный случай, как образец для подражания"². Это один из примеров того, когда новые явления, рожденные опытом войны, пытались подогнать под ранее существовавшие теоретические положения. Дело в том, что долгое время в теории считалось и поныне считается, что для

¹ Военно-исторический журнал. 1968, № 7. С. 77, 78.

² Курская битва. М.: Наука, 1970. С. 454.

отражения наступления противника достаточно иметь в 2–3 раза меньше сил, чем для наступления. Но опыт Второй мировой войны это положение не подтвердил. За время войны не было ни одной успешной оборонительной операции, проведенной значительно меньшими силами, чем у наступающего противника. Конечно, когда сил и средств недостаточно, нет другого выхода, как переходить к обороне. Можно также “стоять” в обороне и удерживать меньшими силами определенный оборонительный рубеж. Но если противник переходит в большое наступление, то, располагая значительно меньшими силами, остановить его и тем более сорвать наступление и нанести поражение наступающему противнику далеко не всегда осуществимо. Возможно отражение атак превосходящих сил противника в обороне в тактическом звене. Но в оперативно-стратегическом масштабе при наличии мощных средств огневого поражения и высокой маневренности войск и авиации наступающий, владея инициативой, имеет возможность создавать многократное, подавляющее превосходство на избранных направлениях, и для парирования его глубоких прорывов нужны достаточно крупные силы. Поэтому, как показал опыт войны, для проведения оборонительной операции, рассчитанной на успешное отражение и срыв крупного наступления противника, требуется не намного меньше сил и средств, чем для наступления. Например, без задействования части сил Степного фронта противник мог иметь значительно большее продвижение в направлении Курска. Хотя, конечно, с высоты сегодняшнего дня, когда мы уже досконально знаем состояние обеих сторон и в целом обстановку того времени, можно сказать, что стратегические резервы в ходе оборонительной операции можно было бы, видимо, расходовать и менее расточительно и побережь их для предстоящего контрнаступления. Но вместе с тем надо учитывать, что после серьезных неудач 1941–42 годов опасения насчет того, что противник снова может прорвать нашу оборону, и связанный с этим риск были настолько большими, что приходится если не оправдывать полностью, то хотя бы с определенным пониманием отнестись к тому, как были использованы стратегические резервы на оборонительном этапе Курской битвы.

В-третьих, благодаря накопленному опыту и творчеству Жукова и Василевского, командующих фронтами Рокоссовского, Ватутина, Конева, командармов и командиров дивизий, построение и организация обороны под Курском в стратегическом и оперативно-тактическом масштабах были доведены до высочайшей степени совершенства и до сих пор остаются эталоном, непревзойденным образцом построения обороны и оборонительных способностей действий. Общая глубина обороны фронтов доходила до 150–190 км, с учетом Степного фронта до 250–300 км. Были созданы и оборудованы в инженерном отношении первая (главная) и вторая полосы обороны, каждая глубиной 5–6 км, составляющие тактическую зону обороны, несколько армейских и фронтовых оборонительных рубежей в оперативной глубине. В общей сложности было вырыто и оборудовано около 10 тыс. км траншей и ходов сообщений¹. При подготовке оборонительной операции Жуков побывал во всех армиях, дивизиях первого эшелона, во многих частях и подразделениях.

Он особенно большое внимание уделял созданию во всех инстанциях четкой системы стрелкового, противотанкового, артиллерийского, противовоздушного огня в сочетании с ударами авиации и густой сетью инженерных заграждений. Как отмечал маршал К. К. Рокоссовский, на направлениях действий противника были сосредоточены мощные группировки артиллерии. “Общая плотность артиллерии у нас составляла 35 стволов, в том числе более 10 противотанковых орудий на километр фронта, но в полосе обороны 13-й армии эта плотность была намного выше”².

В основу всей обороны была положена её способность отразить массированные атаки танков противника, то есть оборона была, прежде всего, противотанковой. Генерал Пухов как-то показывал нам в академии схемы противотанковой обороны, начерченные рукой Жукова. Именно с учётом опыта обороны под Курском в послевоенные годы был сделан вывод, что противотанковая оборона не может рассматриваться только как вид боевого обеспечения или дополнительный элемент обороны. Вся оборона становилась

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история, С. 351–352.

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1968. С. 210.

противотанковой. Серьёзное внимание уделялось и противовоздушной обороне, но она тогда ещё не получила такого развития, как противотанковая оборона.

Жуков занимался не только оперативно-тактическими вопросами. Он интересовался настроениями личного состава, их бытовым устройством и снабжением, прохождением службы. В 13-й армии Н. П. Пухова он встретил командира полка майора М. С. Иванова, который воевал с первых дней войны, был трижды ранен и каждый раз после госпиталя назначался на одну и ту же должность. За два года войны не получил повышения ни в должности, ни в звании. Жуков доложил об этом Верховному с тем, чтобы обратить внимание командования других фронтов и Главного управления кадров. Иванову было присвоено звание полковника, и он был назначен командиром дивизии.

В-четвёртых, Жуков и командующие фронтами добивались, чтобы оборона носила исключительно активный и маневренный характер. Это проявлялось в проведении ряда массированных ударов авиации по аэродромам и войскам противника ещё до перехода его в наступление. Большую роль сыграла и артиллерийская контрподготовка, проведённая 5 июля на направлениях предполагаемых ударов противника в полосах Центрального и Воронежского фронтов. Противник понёс потери ещё в исходном положении для наступления и не смог начать свои атаки в установленные сроки. Хотя, как справедливо отмечал Г. К. Жуков, от этой контрподготовки ждали несколько большего. Она была проведена в ночное время (в полосе Центрального фронта началась в 2:00 5.07.1943 года), в момент, когда войска первого эшелона противника находились ещё в укрытиях, в ней не смогла в полном объёме участвовать авиация. Нашими войсками осуществлялся широкий маневр силами и средствами, особенно противотанковыми частями и соединениями, с одних участков фронта на другие, где возникала наибольшая угроза.

Вторые эшелоны и резервы, в том числе танковые армии и корпуса, использовались для нанесения контратак и контрударов прорвавшимся бронетанковым группировкам противника. В результате произошли небывалые за всё время войны танковые бои и сражения, и наиболее значительное из них — в районе Прохоровки, где с обеих сторон участвовало свыше 1200 танков и самоходных орудий.

Обычно в мирное время на учениях и военных играх все контратаки и контрудары наносятся во фланг прорвавшимся группировкам противника. Лобовая контратака в ходе академических занятий оценивается самым низким баллом. Но под Курском, как и в некоторых других сражениях во время войны, контратаки и контрудары нередко носили фронтальный характер, ибо слишком велика была цена риска. При фронтальных контратаках и контрударах удавалось если не разбить, то хотя бы наверняка преградить путь наступающему противнику, остановить и частично отбросить его прорвавшиеся группировки.

При подготовке операции под руководством Жукова, Генштаба, Василевского, Хрулёва, командующих фронтами была проведена огромная работа по доукомплектованию войск личным составом, оружием и техникой, подвозу и накоплению необходимого количества боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Созданные запасы материальных средств к началу Курской битвы были значительно выше, чем в операциях 1941–1942 годов. Центральный и Воронежский фронты имели боеприпасов основных калибров 2,5–3 боекомплекта (по тяжёлым калибрам — 5 боекомплектов). В 13-й и 6-й гвардейских армиях — по 4–5 боекомплектов. Автобензина в войсках Центрального фронта было 4,8 заправки, на Воронежском фронте — 5,8; продовольствия на обоих фронтах — на 20–25 суток.

Проводилась напряжённая боевая подготовка, где с командирами, штабами и войсками отрабатывались способы действий по выполнению поставленных задач в обороне. Жуков не раз участвовал в подготовке и проведении таких учений и тренировок. Особенно интенсивно проводились тренировки по выдвиганию на назначенные рубежи с противотанковыми резервами и вторыми эшелонами. Автору этих строк пришлось действовать севернее Орла в составе 5-го танкового корпуса. Нашему батальону было назначено три вероятных рубежа, на каждый из которых в ходе тренировок мы выдвигались не менее 10–12 раз, главным образом в ночное время. Вначале выдвигались лишь командиры и оперативные группы штабов со средствами связи на автомашинах и пешком (в зависимости от расстояния), а затем и подразделения

в полном составе. В результате, с получением условного сигнала каждый командир и солдат чётко знал, куда идти и что делать. Всё это обеспечило высокую организованность действий войск в ходе оборонительного сражения.

Большое внимание уделялось обобщению и передаче войскам боевого опыта, воспитанию высокого морального духа. Достигалось это, конечно, не только беседами, партсобраниями и листовками. Главное, что обеспечивало уверенность и стойкость войск, — это их хорошая обученность, умение владеть своим оружием, общая обстановка целеустремленности и высокой организованности в действиях командиров и штабов всех степеней.

Вся эта сложная и многообразная работа по подготовке оборонительной операции предопределила успешное её проведение. Если в 1941–1942 годах немецко-фашистские войска, переходя в наступление, полностью сокрушали нашу оборону и продвигались на сотни и более тысячи километров, а нашим войскам удавалось остановить противника ценой неимоверных усилий и после длительного отступления, то, перейдя в наступление 5 июля под Курском, гитлеровская армия не смогла прорвать нашу оборону и вклинилась только в тактическую зону обороны. К 10 июля, когда по намеченному плану немецко-фашистские войска, наступающие с севера и юга, должны были соединиться в районе Курска, они не только не решили этой задачи, но не смогли даже создать условий для развития тактического успеха в оперативный. Гитлеровское командование перебросило дополнительно несколько дивизий с других направлений, надеясь таким образом нарастить усилия и прорвать советскую оборону, но и эти новые атаки противника были отбиты нашими войсками. В общей сложности немецко-фашистские войска продвинулись в полосе Центрального фронта до 10 км и в полосе Воронежского фронта — до 30–35 км и лишь на узких участках фронта. При этом они понесли большие потери людьми, танками и другой боевой техникой. Прорвавшиеся группировки противника были остановлены и отброшены в исходное положение контрударными армейских и фронтовых вторых эшелонов и резервов. Задача по срыву наступления противника была выполнена без оставления занимаемого оборонительного рубежа в течение всего 6–7 суток.

Работая в войсках, Жуков обычно глубоко вникал во все детали организации и обеспечения боевых действий. Если дело не клеилось у того или иного командующего, особенно в кризисные моменты развития операции, он без всяких церемоний брал управление войсками в свои руки. Был требовательным и, когда это было нужно, мог дать чёткие и конкретные указания, добиваясь их неукоснительного исполнения. Вместе с тем, как представитель Ставки, он старался без особой надобности не сковывать действия командующих фронтами.

“Говоря об оборонительных боях войск Центрального фронта на Курской дуге, — писал Рокоссовский, — мне хочется оттенить некоторые характерные моменты. Прежде всего — роль представителя Ставки. Г. К. Жуков долго был на Центральном фронте в подготовительный период, вместе с ним мы решили принципиальные вопросы организации и ведения оборонительных действий и контрнаступления. Не без его помощи были удовлетворены тогда многие наши запросы, адресовавшиеся в Москву. А в самый канун битвы он опять прибыл к нам, детально ознакомился с обстановкой и утром 5 июля, в разгар развернувшегося сражения, доложил Сталину: командующий фронтом управляет войсками твёрдо, с задачей справится самостоятельно. И полностью передал инициативу в мои руки. Это было правильно!”¹

После разгрома прорвавшихся группировок противника и восстановления положения в обороне Сталин потребовал от Воронежского и Степного фронтов продолжения наступления (по плану операции “Румянцев”) без всякой оперативной паузы. Однако Жуков возразил против этого и убедил Верховного в целесообразности продолжения наступления через 8–10 суток с тем, чтобы лучше подготовить операцию и пополнить войска личным составом и материальными средствами. Одновременный переход в наступление всех трёх фронтов начался 3 августа.

Жуков и при проведении этих операций был неутомим и неисчерпаем в творчестве: он был противником всякой приверженности внешней форме, ни в чём не признавал схематизма и шаблона.

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., Воениздат. 1972. С. 222–223.

Так, считая в принципе окружение противника одной из наиболее эффективных форм ведения операций, при планировании Белгородско-Харьковской операции он отверг предложение Н. Ф. Ватутина об окружении немецко-фашистских войск в районах Белгорода и Харькова. При этом он исходил из того, что окружение и уничтожение крупных танковых группировок противника отвлечёт много войск, займёт много времени, а обстановка требовала быстрого выхода войск к р. Днепр. Исходя из этих же соображений, он ввёл в сражение 1-ю и 5-ю танковые армии, как только общевойсковые армии вклинились в оборону противника. Танковые армии завершили прорыв тактической зоны обороны и начали развивать наступление в глубину.

Генштабом по предложению Жукова была умело осуществлена оперативная маскировка. На правом фланге Воронежского фронта было имитировано сосредоточение главной группировки Воронежского фронта. Противник сосредоточил на этом направлении танковую группировку, уведя её с направления главного удара Воронежского фронта.

При подготовке Орловской наступательной операции в полосах Западного и Брянского фронтов был осуществлён оригинальный, неожиданный для противника порядок проведения артиллерийского наступления и перехода в атаку. При проведении прежних наступательных операций нашими войсками был выработан определённый трафарет. Противник приспособился к тому, что после 1,5–2-часовой артподготовки начинается атака, артподготовка начинается и кончается пуском «катюш». После завершающего залпа реактивных установок пехота противника немедленно покидала укрытия и изготавливалась для отражения атаки. В Орловской операции по указанию представителя Ставки до начала наступления тяжёлая артиллерия в течение 4 часов проводила разрушение наиболее укрепленных опорных пунктов противника. Действия тяжёлой артиллерии завершились коротким огневым налётом, вслед за которым началась разведка боем передовыми батальонами. Противник принял действия этих батальонов за неудавшуюся атаку главных сил и в ходе отражения их атаки раскрыл всю систему своего огня. На следующий день была проведена всего 5-минутная артподготовка, а затем продолжалось подавление и уничтожение выявленных целей. Под прикрытием артиллерийского огня танки и пехота выдвинулись на исходные рубежи атаки и неожиданно ворвались в оборону противника. Это дало возможность без больших потерь прорвать оборону противника. По опыту этой операции была издана директива Ставки «Об артиллерийском наступлении», в которой давались указания об исключении шаблона в осуществлении артиллерийской подготовки и поддержки атаки, а также методов перехода в атаку танков и пехоты.

Для повышения темпов наступления Жуков требовал непрерывных действий днём и ночью, выделяя в ряде случаев заранее подготовленные подразделения для ночных действий. В частности, овладение Харьковом было начато ночным штурмом передовых частей Степного фронта.

Наиболее характерным для этих наступательных операций было то, что они велись против очень плотных группировок противника. В связи с этим боевые действия отличались огромным напряжением, и наши войска с большим трудом преодолевали ожесточённое сопротивление противника. Можно предположить, что если бы мы предварительно не измотали и не обескровили главные группировки в оборонительных сражениях, то наше упреждающее наступление, будь оно предпринято, встретилось бы с ещё большими трудностями. Это подтвердили и следующие наступательные операции Западного фронта на Смоленском направлении. По этой и некоторым другим причинам не удалось окружить и полностью уничтожить группировку противника в Орловском выступе.

Следует заметить, что начавшаяся 10 июля десантная операция союзников в Сицилии также оказала определённое влияние на общий ход военных действий в Европе. По крайней мере, она не позволила германскому командованию перебросить на советско-германский фронт дополнительное количество авиации.

В целом в ходе Курской битвы превосходство советского военного искусства было весьма внушительным. Маршал Г. К. Жуков, анализируя действия сторон, отмечал: «В отличие от первого периода войны немецкое командование стало каким-то тяжелодумным, лишённым изобретательности, особенно в сложной обстановке. В решениях чувствовалось отсутствие правильных оце-

нок возможностей своих войск и противника. С отводом своих группировок из-под угрозы фланговых ударов и окружения командование очень часто опаздывало, чем ставило свои войска в безвыходное положение. Высшим руководящим кадрам немецких войск после разгрома под Сталинградом, особенно на Курской дуге, в связи с потерей инициативы пришлось иметь дело с новыми факторами и методами оперативно-стратегического руководства войсками, к чему они не были подготовлены. Столкнувшись с трудностями при вынужденных отходах и при ведении стратегической обороны, командование немецких войск не сумело перестроиться¹. Таким образом, наступление немецко-фашистских войск летом 1943 года закончилось их сокрушительным поражением. После Курской битвы до конца войны они уже не смогли предпринять ни одного крупного наступления оперативно-стратегического масштаба. После Курской битвы руководитель фашистской пропаганды Геббельс был вынужден признать: «Сейчас германская армия не в состоянии перейти в наступление, потому её основным принципом остаётся оборона...»².

Красная Армия в этой битве одержала выдающуюся победу, означавшую окончательный коренной перелом в ходе всей войны. Из опыта Курской битвы в области военного искусства был сделан важнейший вывод о недопустимости недооценки обороны в оперативно-стратегическом масштабе. Жуков убедительно показал правомерность и выгоду обороны в определённых условиях. Однако, вопреки такой дорогой ценой добытому опыту и прозрению в отношении обороны, в послевоенные годы (с появлением ядерного оружия) военные руководители нашей страны вновь пришли к выводу, что оборона в стратегическом и фронтовом масштабах в современных условиях недопустима – она может применяться лишь в оперативно-тактическом звене³. Такой вывод вытекал не из опыта, не из научного анализа характера вооружённой борьбы будущего, а из чисто субъективных мнений, что после победы можно вновь бравировать и пренебрегать объективными законами военного искусства. При оборонительном характере российской военной доктрины, когда полностью исключается возможность начала военных действий первыми, в самом начале войны (если её не удастся предотвратить), при отражении возможной агрессии войскам придётся решать в основном оборонительные задачи. Поэтому вопросами обороны желательнее заниматься серьёзно. Правда, как всегда, не обходится и без крайностей, когда некоторые радикалы теперь уже хотят предать анафеме всякую мысль о возможности наступления. Таких людей опыт ничему не учит.

Но уроки 1941–1942 годов и то, как мы пришли к зрелости стратегической мысли в Курской битве, ещё раз напоминают нам о завете Жукова сочетать наступление и оборону – это объективная закономерность военного искусства, а всякое пренебрежение к опыту и объективным законам к добру не приводит.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 545–546.

² Volkischer Beobachter. 1943. 7 August.

³ Теоретическое обоснование это нашло и в труде «Военная стратегия» под ред. В. Д. Соколовского. М. 1963. С. 371.